
Зинькевич Альберт
Хрононавт. Игра с песочными часами

Зинькевич Альберт

Хрононавт. Игра с песочными часами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72289717
SelfPub; 2026

Аннотация

Глубоко в университетском подвале физик Артём Волков случайно вызывает появление Песочных Часов – древнего артефакта времени. Теперь он, с частицами песка в крови, способен прыгать сквозь эпохи, но становится мишенью тайной организации "Хроносфера". Его путь лежит через ад войны и временные парадоксы, к спасению пропавшей сестры.

Содержание

Часть I: Пробуждение Парадокса 4
Глава 1. Сингулярность в подвале 4
Глава 2. Эхо прошлого 15
Глава 3. Тень сестры 32
Глава 4. Контроль над бездной 45
Глава 5. Война во времени 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Зинькевич Альберт Хрононавт. Игра с песочными часами

Часть I: Пробуждение Парадокса

Глава 1. Сингулярность в подвале

"Различие между прошлым, настоящим и будущим – не более чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая." – Альберт Эйнштейн

Пыль. Она вездесуща в этом подвальном царстве, пропитанном запахом старой бумаги, озона и отчаянных надежд. Артём Волков щурился, вглядываясь в мерцающие строки кода на мониторе, его лицо, освещенное холодным голубоватым светом экрана, казалось высеченным из усталого камня. Тридцать семь лет, но глубокие морщины у глаз и жесткая складка между бровями выдавали напряжение последних пяти. Пять лет с тех пор, как исчезла Лера.

Он отпил глоток холодного, почти горького кофе из потрескавшейся кружки с логотипом МФТИ – реликвии студенческих времен. Лаборатория, гордо именуемая «Секто-

ром Квантовой Хронометрии», на деле представляла собой захламленный подвал университетского корпуса №3. Стеллажи, громоздящиеся до потолка, были завалены коробками с компонентами, папками с пожелтевшими распечатками и приборами, чье назначение было понятно лишь ему да, пожалуй, еще паре таких же одержимых энтузиастов на кафедре теоретической физики. В центре этого хаоса, как алтарь безумного бога, стояла установка. Его детище. Его Голем.

Официально проект назывался «Квантовые Часы: Исследование Дискретности Временного Континуума». Сухая, академическая формулировка, скрывавшая дерзкую мечту: не просто измерить время точнее атомных часов, но *увидеть* его структуру, его квантовую «ткань». Установка напоминала гибрид телескопа и реактора из фантастического фильма. Основа – мощный лазерный интерферометр, чьи зеркала и призмы были ювелирно выверены. Его лучи сходились в центральной камере, где в магнитной ловушке, охлаждаемой жидким гелием почти до абсолютного нуля, вибрировал единственный ион иттербия. Этот ион и был сердцем часов – его квантовые переходы должны были стать сверхточным метрономом Вселенной. Вокруг камеры оплетались кабели, уходившие в блоки управления, усилители, аналого-цифровые преобразователи и, наконец, к ряду серверных стоек, гудевших как улей. На мониторе перед Артёмом бежали потоки данных: частота колебаний иона, состояние магнитного поля, температура, давление, фоновое излучение –

тысячи параметров, сливавшихся в цифровую реку времени.

Артём вздохнул, откинулся на спинку старого офисного кресла, скрипнувшего протестом. Эксперимент шел непрерывно уже две недели. Дни и ночи слились в одно серое пятно, разбитое лишь редкими выходами на поверхность за едой и еще более редкими попытками поспать на раскладушке в углу. Финансирование проекта висело на волоске, публикаций не было, коллеги на кафедре поглядывали с плохо скрываемым скепсисом. «Волков и его вечный двигатель», – слышал он шепотки в курилке. Но он не мог остановиться. Потому что где-то в глубине души теплилась безумная, ничем не подкрепленная надежда: если он сможет понять время до самых его основ, найти его слабые места, его «швы», то, возможно, он найдет и Леру. Или хотя бы узнает, что с ней случилось в тот вечер, когда она вышла из кафе на Чистых прудах и растворилась в осеннем тумане, оставив лишь перевернутый стул и разбитую чашку. Полиция развела руками. «Нет следов, Артём Игоревич. Никаких насильственных действий. Как сквозь землю провалилась». Но он знал свою сестру. Легкомысленная? Иногда. Но не настолько, чтобы исчезнуть без единого слова.

Внезапно монитор резко мигнул. Артём нахмурился, придвинулся ближе. График частоты колебаний иона иттербия, обычно представлявший собой почти идеальную прямую с микроскопическими флуктуациями, дернулся. На долю секунды линия дрогнула, словно споткнулась, и показала рез-

кий, немыслимый пик – значение, выходящее далеко за пределы всех теоретически возможных колебаний для этого иона в данных условиях. Затем так же резко вернулась к норме.

«Глюк», – автоматически подумал Артём. Сбой в системе сбора данных. Перегрев процессора. Статический разряд. В подвале полно наводок. Он запустил диагностическую утилиту, проверил логи серверов. Все системы работали в штатном режиме. Никаких ошибок, никаких предупреждений. Только этот одинокий, безумный пик в потоке времени.

Он переключился на просмотр сырых данных с датчиков камеры. Температура стабильна. Магнитное поле – идеально. Фоновое излучение – в пределах нормы. Но там, где был пик частоты… Артём увеличил масштаб. В журнале датчика визуального мониторинга камеры (обычной HD-камеры, снимавшей ион для контроля) была крошечная запись. В момент пика камера зафиксировала… артефакт изображения. Не просто шум, а что-то странное. Вокруг вибрирующего иона, похожего на яркую пылинку в центре экрана, на несколько кадров возникло едва заметное свечение. Оно напоминало искажение воздуха над раскаленным асфальтом, но с радужными переливами, как масляная пленка на воде. И в центре этого мерцания… Артём вгляделся, увеличивая изображение до предела. Ему показалось, или там, на долю пикселя, мелькнуло что-то темное? Неправильной формы? Как крошечная песчинка? Запись длилась всего 0.03 секун-

ды. Слишком мало для уверенности.

«Квантовая флуктуация? Неустойчивость лазера?» – Артём бормотал себе под нос, чувствуя, как привычная усталость отступает перед нарастающим возбуждением ученого, учуявшего нечто новое. Он запустил глубокий анализ данных за последние 24 часа. Компьютер загудел интенсивнее. Пока он ждал, его взгляд упал на фотографию, прикрепленную магнитом к серверной стойке. Он и Лера. Сочи, море, солнце. Ей семнадцать, ему двадцать два. Она смеется, зажмурившись от яркого света, он корчит рожу. Казалось, этот момент запечатлен навсегда. Теперь эта вечность была заключена в пластиковой рамке и пылилась в подвале.

Мысль о Лере вернула другое воспоминание, недавнее и тревожное. Месяц назад, роясь в университетском архиве в поисках старых работ по квантовой гравитации, он наткнулся на упоминание закрытого исследовательского проекта 80-х годов с кодовым названием «Песочные Часы». Проект курировала некая «Комиссия по Особым Физическим Явлениям», о которой не было никаких других данных. Основная информация была зачеркнута толстыми полосами черного маркера, но в примечаниях мелькали слова «временная аномалия», «стабильность континуума» и, что больше всего его насторожило, «Хроносфера». Слово было написано от руки на полях. Он попытался найти хоть что-то о «Хроносфере» – ноль. Ни в открытых источниках, ни в специализированных базах. Как будто этого слова не существовало. Тогда он спи-

сал это на бред уставшего архивариуса или свою паранойю. Но сейчас, глядя на странный пик и мерцание в камере, это слово всплыло в памяти с новой силой. «Хроносфера». Сфера времени.

Компьютер пискнул, завершив анализ. Результат заставил Артёма замереть. Пик не был одиночным. За последние сутки было зафиксировано еще три подобных аномалии, только гораздо меньшей амплитуды, затерявшихся в общем шуме данных и пропущенных системой автоматического мониторинга. Каждая аномалия длилась доли секунды и сопровождалась тем же визуальным артефактом – мерцающим искажением с радужными переливами и… той самой крошечной темной точкой. Статистический анализ показал: вероятность того, что это случайный шум или сбой оборудования, была меньше 0.0001%. Это было *реальное* явление. Нечто происходило с его ионом иттербия, с самим временем в точке измерения.

Адреналин резко ударил в кровь. Усталость как рукой сняло. Артём вскочил, забыв про кофе. Он начал лихорадочно настраивать аппаратуру. Увеличил чувствительность всех датчиков. Направил дополнительные камеры с высокоскоростной съемкой на камеру с ионом. Запустил параллельную запись всех параметров с максимальной частотой дискретизации. Его пальцы летали по клавиатуре, мысли пульсировали с частотой квантовых переходов. *Что это? Сбой пространства-времени? Микроскопическая червоточина? Про-*

явление скрытых измерений? Теории роем носились в голове. Он чувствовал себя на пороге открытия. На пороге чего-то огромного и, возможно, страшного.

Вдруг свет в подвале погас. Не плавно, а резко, как будто выдернули вилку. Мониторы потухли, гудел серверов стих, оставив после себя гнетущую, абсолютную тишину и темноту. Только слабый аварийный огонек где-то у двери бросал на стены жутковатые красные блики.

«Черт! Опять эти древние пробки!» – выругался Артём, нащупывая в кармане смартфон, чтобы включить фонарик. Но телефон не реагировал. Экран был мертв. И не только телефон. Его наручные электронные часы тоже погасли. Полный, абсолютный блэкаут, причем только здесь, в подвале? Такого раньше не было.

Он замер, прислушиваясь. Тишина была звенящей. Даже привычный гул вентиляции пропал. И тогда он почувствовал… вибрацию. Не в ушах, а всем телом. Словно сам воздух дрожал. Откуда-то справа, со стороны установки, пробивался слабый, колеблющийся свет. Не электрический. Что-то другое. Тусклое, переливающееся всеми цветами радуги, как тот артефакт на записи, но теперь – в реальности.

Сердце Артёма бешено заколотилось. Страх сковал тело, но любопытство, жгучее, неудержимое любопытство ученого, оказалось сильнее. Он медленно, крадучись, словно боясь спугнуть призрак, двинулся к источнику света. Шаги гулко отдавались в тишине.

Свет исходил из центральной камеры установки. Сквозь смотровое кварцевое окно было видно, как в магнитной ловушке, вместо привычной яркой точки иона иттербия, плавал… объект. Он был размером с крупную виноградину. Форма его была непостоянной, текучей, но в основе напоминала песочные часы – два конуса, соединенные узкой перемычкой. Материал? Он казался одновременно и стеклянно-прозрачным, и абсолютно черным, поглощающим свет. Но главное – он *светился изнутри*. Мерцающим, пульсирующим светом, который переливался всеми оттенками: от глубокого индиго до ослепительно-белого, от кроваво-красного до нежного персикового. Этот свет не освещал камеру, а скорее *жил* в ней, создавая сюрреалистическую картину. Вокруг объекта вибрировало то самое радужное искажение воздуха, только теперь оно было видно невооруженным глазом. И песок! Внутри стеклянно-черной формы пересыпался песок. Но не обычный. Зерна были невероятно мелкими, словно пыль, и светились тем же внутренним светом, каждый – своим оттенком. Они медленно, гипнотически перетекали из верхней камеры «часов» в нижнюю. Артём завороженно смотрел, забыв о страхе, о времени, о Лере. Он смотрел на невозможное. На то, что должно было существовать только в учебниках по квантовой механике или в бредовых фантазиях.

Песочные Часы.

Слово вырвалось из глубин памяти. Тот проект из архива.

«Хроносфера». Это было *оно*? Откуда? Как оно попало в его ловушку вместо иона иттербия?

Вдруг свет от артефакта вспыхнул ярче. Радужное искажение вокруг него резко усилилось, закрутилось вихрем. Артём почувствовал, как волосы на его голове и руках встают дыбом от статики. Воздух наполнился запахом… озона? Нет, что-то другое. Свежести после грозы, смешанной с запахом горячего металла и… древней пыли. Звук. Низкий, едва слышный гул, на грани восприятия, заполнил подвал. Он шел не от артефакта, а отовсюду сразу. От стен, от пола, от самого воздуха.

Артём инстинктивно отпрянул, наткнувшись на стеллаж. Страх вернулся, холодной волной смывая научный азарт. Это было не просто явление. Это было *силой*. Древней, непостижимой и, возможно, враждебной. Он почувствовал головокружение. Пол под ногами словно качнулся. Картины перед глазами поплыли, наложились друг на друга. Он увидел одновременно и темный подвал с мерцающим артефактом, и… ярко освещенную лабораторию. Свою же лабораторию, но чистую, новую, с только что установленным оборудованием. На столе стояла та самая кружка с МФТИ, но целая. И он сам… сидел за монитором, в той же позе, что и минуту назад, но в новой рубашке, с другой стрижкой. Моложе? Или просто… иначе?

Галлюцинация? Кислородное голодание? Или… эффект близости к артефакту?

Внезапно гул усилился, перешел в оглушительный рев. Свет от Песочных Часов стал ослепительным, болезненным. Радужный вихрь вокруг них закрутился с бешеной скоростью. Артём зажмурился, поднял руку, чтобы защититься. Его отбросило назад, к стене. Удар. Боль в плече. Темнота.

Когда он открыл глаза, рев стих. Свет погас. В подвале снова горел тусклый аварийный свет. Гудели серверы. Мигали мониторы, показывая сообщения о перезагрузке после сбоя питания. Все было как прежде. Кроме одного.

Центральная камера установки была пуста. Ни иона иттербия, ни загадочных Песочных Часов. Лишь холодный вакуум и отблески аварийной лампы на отполированных стенках.

Артём лежал на полу, прислонившись к стеллажу, дыша прерывисто. Голова гудела, плечо ныло. Он тряхнул головой, пытаясь осознать произошедшее. Что это было? Коллективный сбой сенсоров? Массовая галлюцинация, вызванная переутомлением и выбросом какого-нибудь газа? Или…?

Он поднял руку, чтобы потирать виски, и замер. На его запястье, поверх рукава рубашки, лежала тонкая, почти невесомая полоска… чего-то. Она напоминала нить паутины, но светилась слабым, угасающим перламутровым светом. Артём осторожно поднес руку к глазам. Это был песок. Тот самый, светящийся песок из Песочных Часов. Всего несколько крошечных, микроскопических зерен, прилипших к ткани.

Он осторожно сдул их на ладонь. Зернышки были холод-

ными, как космический вакуум. Они лежали на его коже, мерцая последними отблесками своего внутреннего света, а затем… погасли, став просто мельчайшей темной пылью. Но в момент, когда он их рассматривал, в голове пронеслась вспышка. Не образ, а *ощущение*. Ощущение падения. Стремительного, неудержимого падения сквозь слои… чего-то. Сквозь слои времени.

Артём сидел на холодном полу подвала, сжимая в кулаке темную пыль, оставшуюся от неземного песка, и смотрел в пустую камеру, где минуту назад бушевала невозможность. Страх уступил место потрясению, а затем – леденящей душу догадке. Он не просто наблюдал аномалию. Он столкнулся с ней лицом к лицу. И что-то от нее осталось с ним. В его подвале. На его ладони. В его голове.

«Песочные Часы…» – прошептал он в гнетущую тишину, где теперь гудели только серверы, вернувшиеся к жизни. Но мир вокруг уже не казался прежним. Он треснул. И трещина эта зияла тайной, уходящей в самую сердцевину времени. И куда-то там, в этой бездонной трещине, возможно, потерялась Лера. Он *должен* был узнать правду. Даже если цена – его рассудок. Или сама ткань реальности.

Где-то глубоко внутри, под слоями усталости, страха и научного скепсиса, проснулось что-то древнее, первобытное. Ощущение *пути*. Ощущение начала. Начала игры, в которой ставка была выше, чем он мог себе представить.

Игра с Песочными Часами началась.

Глава 2. Эхо прошлого

Тишина подвала после исчезновения Песочных Часов была громче любого гула. Артём сидел на холодном бетонном полу, спиной прислонившись к стеллажу, сжимая кулак. В ладони, под ногтями, ощущалась мельчайшая зернистость – темный, инертный пепел от нескольких крупинок неземного песка. Ощущение стремительного падения сквозь слои чего-то неосязаемого еще вибрировало в костях, отдавалось легкой тошнотой и головокружением, как после долгого катания на карусели. Но это было *внутри*. Не физическое, а… метафизическое похмелье.

«Галлюцинация, – упрямо шептал он себе, пытаясь вцепиться в привычную логику. – Переутомление. Гипогликемия. Выброс токсинов из старой проводки…» Но его взгляд упрямо возвращался к пустой камере установки. К пустой. Где должен был быть ион иттербия. Где минуту назад бушевало невозможное. И к ладони с этой черной пылью – единственному физическому доказательству того кошмара. Или чуда?

Он медленно поднялся, опираясь на стеллаж. Тело ныло, особенно плечо, ударившееся о металлическую полку. Шагнул к монитору. Системы перезагрузились после сбоя питания. Он запустил программу просмотра последних записей с камеры мониторинга камеры. Запись шла, но в момент

«события»… был сплошной шум. Белый, мерцающий, как плохая телевизионная картинка без антенны. Ничего внятного. Данные с датчиков за этот период были повреждены или стерты. Как будто сам всплеск энергии выжег цифровую память.

«Нет доказательств, – констатировал он вслух, и голос прозвучал хрипло и неуверенно. – Ничего, кроме…» Он разжал кулак. Пыль. И это дикое, не утихающее чувство *сдвига*, как будто его вырвали из привычной точки и слегка сдвинули в сторону.

Артём подошел к раковине в углу лаборатории. Включил кран. Вода полилась, обычная, холодная, успокаивающе знакомая. Он сунул руки под струю, старательно смывая черные крупинки с кожи. Пыль исчезла без следа, растворилась в воде. Он посмотрел на свое отражение в темном стекле окна над раковиной. Измученное лицо, запавшие глаза, взлохмаченные волосы. Он выглядел так, будто не спал неделю. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

«Время не любит насилия».

Мысль пришла внезапно, из ниоткуда. Как эхо. Не его собственная. Чужая. Или… знакомая? Он не мог понять. Она висела в воздухе, тревожная и многозначительная.

Нужен был кофе. Крепкий, обжигающий. Артём направился к своему столу, где стояла та самая потрескавшаяся кружка. Он машинально потянулся к электрочайнику, стоявшему на тумбе рядом, и замер. На тумбе лежал его блок-

нот для записей. Открытый. И на верхней странице… Он не помнил, чтобы оставлял там такую запись. Крупными, нервными буквами, черной гелевой ручкой (которую он терпеть не мог и обычно пользовался карандашом) было написано:

«НЕ ВКЛЮЧАЙ УСТАНОВКУ. 14:30. ПРОВЕРЬ ДАТЧИК Т-578. ОШИБКА КАЛИБРОВКИ. А.В.»

Артём моргнул. Потрогал надпись. Чернила были сухими. Его почерк? Да, вроде бы. Но… он не писал этого. Он точно помнил, что последняя запись в блокноте была вчера вечером – расчеты частоты лазерного импульса. И он уж точно не стал бы писать самому себе про ошибку калибровки датчика Т-578 (который, кстати, отвечал за фоновое магнитное поле) такими паническими буквами. И почему «не включай установку»? Установка уже работала две недели! И… какое время? 14:30? Он посмотрел на свои наручные часы (которые снова работали). 11:47.

Сердце екнуло. Он схватил блокнот, листая страницы назад. Ничего. Только его обычные записи. Эта страница с предупреждением была последней. И… дата? В углу страницы стояла сегодняшняя дата. Его рукой.

Холодный пот выступил на спине. Он огляделся по сторонам, как будто ожидая увидеть шутника. Но в подвале, кроме него, никого не было. Только гул серверов и его собственное прерывистое дыхание.

«Кто-то пробрался? – промелькнула дикая мысль. – «Хроносфера»?» Но зачем оставлять такую запись? Чтобы преду-

предить? Или запутать?

Артём резко отодвинул стул и сел за компьютер. Запустил программу логов системы безопасности (две камеры у входа и датчик движения). Просмотрел записи за последние… сколько? С момента его последнего выхода. Он смутно вспомнил, что выходил вчера поздно вечером, около 23:00, в буфет за бутербродами. Логи показали: входная дверь в подвал открывалась только дважды с тех пор. Первый раз – сегодня утром, в 07:15 – это был он, вернувшийся после короткого сна в кабинете наверху. Второй раз – сейчас нет записи о выходе. Значит, никто не входил и не выходил. Датчик движения внутри подвала не фиксировал никого, кроме него, весь день. Камеры показывали только его самого, копошащегося у установки или сидящего за столом.

Значит… запись в блокноте… его? Он написал ее, но не помнит? Провал в памяти? Из-за переутомления? Или… из-за *того*?

Взгляд снова уперся в пустую камеру. И в ладонь, где еще чуть щекотала кожа от прикосновения странного песка. Ощущение падения…

Он резко встал, зашагал по подвалу, пытаясь собрать мысли в кучу. Наткнулся на коробку с запасными компонентами. На коробке была наклейка с датой поставки – сегодняшнее число. Он всегда ставил дату получения. Но… он не помнил, чтобы сегодня приходила поставка! Поставщик обычно звонил, а телефон… Артём сунул руку в карман. Смарт-

фон был на месте. Он достал его. На экране – 11:52. И… три пропущенных звонка. От поставщика электронных компонентов «Квант-Сервис». Звонили в 10:15, 10:30 и 11:00. А он не слышал? Или… не *мог* услышать, потому что его тогда не было здесь? Но он же был в подвале с самого утра! Или не был?

Он нажал на уведомление о пропущенных звонках. И замер. В журнале вызовов время последнего *исходящего* звонка с его телефона… сегодня, 14:22. На номер Леры. На ее старый, уже пять лет как неработающий номер.

Артёму стало дурно. Он прислонился к стеллажу, чувствуя, как пол уходит из-под ног. 14:22? Но сейчас же только 11:53! Как он мог позвонить в будущем? Это… это невозможно!

Ощущение падения…

Запись в блокноте…

Звонок в 14:22…

Куски мозаики, безумной, невозможной мозаики, начали складываться в чудовищную картину. Он посмотрел на свои руки. На запястье, где прилипли крупинки песка. Где сейчас ничего не было, но кожа чуть покалывала.

«Нет, – прошептал он. – Этого не может быть. Не может!»

Он должен был проверить. Доказать себе, что он сходит с ума. Что все это – галлюцинация, вызванная стрессом и недосыпом. Что звонок в журнале – глюк телефона. Что запись в блокноте – он сам ее сделал в полубреду и забыл.

Артём подошел к установке. К пустой камере. Он знал, что включать ее сейчас – безумие. Но он должен был *увидеть*. Увидеть, что иона нет. Что ничего не произойдет. Доказать себе, что мир все еще подчиняется законам Ньютона и Эйнштейна, а не сценарию дешевого фантастического фильма.

Его пальцы, дрожа, потянулись к главному выключателю питания лазерной системы. Предупреждение в блокноте кричало в голове: «НЕ ВКЛЮЧАЙ УСТАНОВКУ!» Но он проигнорировал его. Он *должен* был знать.

Щелчок тумблера. Тихое гудение трансформаторов. Лампочки индикаторов замигали зеленым. Лазерные диоды зажглись тусклым рубиновым светом, набирая мощность. На мониторе ожили графики, пошли потоки данных. Все системы… в норме. Кроме одного. Датчик в камере показывал: объект отсутствует. Ион пропал. Как и ожидалось. Артём почувствовал странное разочарование, смешанное с облегчением. Ну вот. Ничего. Никакого чуда. Просто сбой, потеря данных и… его расшатанные нервы.

И в этот момент он *увидел* песок.

Не в камере. На своей собственной руке, лежащей на панели управления. Там, где раньше были крупинки, теперь проступили едва заметные светящиеся точки. Микроскопические, как пылинки, но излучающие мягкий, мерцающий свет. Перламутровый. Тот самый. Они не лежали на коже. Они будто светились *изнутри* нее. И они… двигались. Мед-

ленно, почти незаметно, стекая по его вене, как капли ртути, но светящиеся.

Артём в ужасе отдернул руку. Светящиеся точки исчезли. Но ощущение… ощущение осталось. Легкое жжение, зуд. И снова – то самое чувство *неустойчивости*, как будто он стоит на шатком мостике над пропастью.

Он посмотрел на монитор. График фонового магнитного поля (тот самый датчик Т-578) показывал не просто аномалию. Он показывал хаос. Значения прыгали как угорелые, выходя далеко за пределы шкалы. На экране визуального мониторинга камеры снова появилось мерцающее радужное пятно, быстро нарастая в размерах. И в центре этого пятна… он увидел *себя*. Свое отражение в кварцевом окне камеры. Но не просто отражение. Оно было искажено, растянуто, как в кривом зеркале. И… позади него, у входа в подвал, мелькнула чья-то тень! Быстро, как вспышка.

Артём резко обернулся. Никого! Дверь была закрыта. Но ощущение присутствия, чужого, враждебного взгляда, пронзило его как ледяная игла. Страх, чистый, животный, сдавил горло. Он рванулся к выключателю, чтобы отключить установку. Его пальцы протянулись к тумблеру…

И мир взорвался.

Не звуком. Не светом. *Ощущением.* Его вырвало из реальности. Словно гигантская невидимая рука схватила за все тело и дернула с чудовищной силой – не в сторону, а *вниз*. Сквозь пол. Сквозь фундамент. Сквозь слои земли, камня,

времени… Падение! Стремительное, неудержимое, парализующее падение в бездну. Он не видел ничего, кроме мелькающих, бессвязных образов: лицо Леры, схема установки, радужное мерцание, черный песок, дата на блокноте – 14:30, его собственная рука на тумблере… Все смешалось в калейдоскопе безумия. Он не чувствовал своего тела. Только невыносимое давление, сжимающее череп, разрывающее клетки на части. И гул. Низкий, всепроникающий гул, от которого вибрировали кости и сжималось сердце. Это был звук самой ткани времени, рвущейся под ним.

Он хотел закричать, но не мог. Воздуха не было. Был только вакуум падения и всепоглощающий ужас.

И вдруг – удар. Не физический. Резкая, болезненная *остановка*. Как будто падающее тело внезапно замерло в воздухе.

Артём открыл глаза. Он стоял. В подвале. Установка гудела. Мониторы показывали данные. На нем была… другая рубашка? Более свежая. И… он не чувствовал той адской усталости, что грызла его минуту назад. Наоборот, он был бодр. Слишком бодр. И голоден.

Он огляделся. Все было знакомо, но… детали. На столе стояла кружка с кофе, еще теплая. Рядом – недоеденный бутерброд. Он ненавидел бутерброды с колбасой. А этот… он его ел? Он посмотрел на свои руки. Никаких светящихся точек. Никакого покалывания. Но чувство дезориентации было оглушительным. Где запись в блокноте? Он подошел к

столу. Блокнот лежал открытым. На странице – его аккуратные записи вчерашних расчетов. Никакого панического предупреждения. Только дата – сегодняшнее число. И время на компьютере…

11:29.

Артём замер, как вкопанный. Его мозг отчаянно пытался сопоставить факты. Он отключил установку (или пытался?) в районе 11:55. Сейчас 11:29. Он… вернулся назад? На 26 минут? Это было… перемещение во времени? Настоящее? Но как? Почему? И почему всего на 26 минут?

Он схватился за голову. Мысли путались. Главный вопрос: *что он сделал?* Или *сделает?* В этом… прошлом? Он же сейчас здесь, в 11:29, а его «будущее» Я, которое вот-вот должно испытать этот кошмарный прыжок, уже где-то здесь? Или нет? Парадокс!

«Время не любит насилия».

Мысль пронеслась снова, яснее. Это был голос? Или просто интуиция? Предупреждение?

Артём почувствовал холодный пот. Он *знал*, что должно случиться. Примерно через 26 минут его попытка выключить установку после включения (которое он еще не совершал в этом… временном отрезке?) вызовет тот кошмарный прыжок. Или… что-то еще? Он посмотрел на установку. Она была выключена. В 11:29 утра он обычно еще не включал ее, предпочитая сначала разобраться с данными и кофе.

Он должен был предотвратить это. Предотвратить самому

себе включение установки? Но как? Если он не включит ее, то не будет того скачка магнитного поля, не будет попытки выключить… не будет прыжка. Но тогда… как он окажется здесь? В этом прошлом? Замкнутый круг. Парадокс дедушки во всей красе, только со своим собственным участием.

Артём зашагал по подвалу, чувствуя, как паника сжимает горло. Он не мог думать. Он должен был *видеть*. Убедиться, что его «будущее» Я здесь. И… остановить его? Но как остановить самого себя? Предупредить? Но он же не поверит! Он сам себе не поверил бы!

Он посмотрел на блокнот. На чистую страницу. Гелевая ручка лежала рядом. Он никогда не пользовался ею… до сегодняшнего дня? До того момента, когда его «будущее» Я оставило предупреждение, которое он нашел в своем «настоящем»?

Рука дрожала. Он схватил ненавистную гелевую ручку. Его «будущее» Я оставило сообщение. Значит, он должен сделать то же самое. Чтобы замкнуть петлю? Чтобы предупредить? Чтобы… спасти себя от этого ужаса падения? Но что написать? Правду? «Артем, не включай установку в 11:50, а то тебя выбросит на 26 минут назад, и ты будешь тут сидеть как идиот и писать эту записку»? Он сойдет с ума на месте!

Он писал быстро, нервно, крупными буквами, почти не думая, повинуясь инстинкту и смутной памяти о той записи, которую видел:

«НЕ ВКЛЮЧАЙ УСТАНОВКУ. 14:30. ПРОВЕРЬ ДАТЧИК Т-578. ОШИБКА КАЛИБРОВКИ. А.В.»

Он поставил дату. Отшвырнул ручку, как раскаленный уголь. Теперь он понял. Он был автором этой записки. В этом безумном временном витке. Но почему 14:30? Он просто скопировал то, что видел. Может, это было важно? Или просто ошибка?

Время шло. 11:35… 11:40… Артём чувствовал себя загнанным зверем. Он спрятался за высоким стеллажом с коробками, откуда был виден вход и основная часть лаборатории, включая его рабочий стол и установку. Он должен был увидеть. Увидеть себя. Доказать, что он не безумен.

11:45. Наверху, за дверью подвала, послышались шаги. Знакомые шаги. Его собственные. Ключ щелкнул в замке. Дверь открылась.

Артём Волков – тот, который только что вошел – выглядел усталым, но сосредоточенным. В руках он нес папку с бумагами и пакет из буфета. Он прошел к своему столу, поставил пакет, взглянул на монитор, потянулся к чашке с кофе. Все как обычно. Все как *должно* было быть.

Артём-наблюдатель, спрятавшийся за стеллажом, затаил дыхание. Его сердце колотилось так громко, что, казалось, должно было выдать его. Он видел себя со стороны. Видел морщины усталости вокруг глаз, знакомую манеру потирать переносицу. Это был он. Настоящий. Или… прошлый?

Вошедший Артём отпил кофе, поморщился (он остыл),

открыл пакет. Достал… бутерброд с колбасой. И начал есть. Спрятавшийся Артём с отвращением поморщился. Он действительно ненавидел эти бутерброды.

11:50. Вошедший Артём закончил с бутербродом, вытер руки, подошел к установке. Взялся за главный тумблер питания лазерной системы.

Сейчас! – подумал спрятавшийся Артём, сжимая кулаки. *Он включит!*

И тут взгляд вошедшего Артёма упал на блокнот. На открытую страницу с только что написанным предупреждением. Он нахмурился, подошел ближе, прочитал. Спрятавшийся Артём видел, как его двойник бледнеет. Как его глаза расширяются от непонимания и… страха. Двойник схватил блокнот, посмотрел на дату, провел пальцем по буквам. Его губы шевельнулись: «Что за…?»

Поверь! – мысленно кричал спрятавшийся Артём. *Не включай! Это ловушка!*

Двойник посмотрел на установку. На тумблер. Его лицо отражало внутреннюю борьбу: скепсис ученого против леденящего душу предчувствия. Он медленно опустил руку. Не стал включать! Он поверил записке! Или испугался ее?

Облегчение, сладкое и головокружительное, волной накатило на спрятавшегося Артёма. Он сделал это! Предупредил! Парадокс предотвращен! Его двойник не включит установку, значит, не будет скачка магнитного поля, не будет попытки выключить, не будет прыжка назад! Петля разорвана!

Но в этот момент его собственный смартфон в кармане… завибрировал. Громко. Навязчиво. В гробовой тишине подвала звук был оглушительным, как выстрел.

Вошедший Артём резко обернулся в сторону стеллажа. Его глаза, еще секунду назад растерянные, теперь загорелись подозрением, а затем – чистым ужасом, когда он увидел фигуру, выглядывающую из-за коробок. Свою собственную фигуру.

«Кто… кто ты?!» – хрипло выдохнул двойник, отступая к столу, хватаясь за тяжелую металлическую линейку.

Спрятавшийся Артём окаменел. Он не думал о телефоне! Идиот! Телефон был настроен на вибрацию, и время… сейчас как раз примерно 14:30! Тот самый звонок в будущее на номер Леры, который он видел в журнале! Звонок, который его «прошлое» Я еще не совершал! Звонил *он*, спрятавшийся! Его собственный телефон в этом временном отрезке! Хотя сейчас звонили то мне! Совсем все запуталось. Но об этом сейчас некогда было размышлять.

«Я…» – начал он, выходя из-за стеллажа, поднимая руки, пытаясь показать, что не опасен. Но вид самого себя, такого же, но с другим выражением лица – испуганным, агрессивным – был настолько сюрреалистичен, что слова застряли в горле.

«Ты… ты…» – двойник тыкал в него линейкой, как шпагой. Его взгляд скользнул по одежде спрятавшегося Артёма, по его лицу, ища отличия. И нашел. Спрятавшийся Артём

был бледнее, его глаза были шире, диче, а на рукаве рубашки, у запястья, виднелось странное, едва заметное светящееся пятнышко, как прилипшая светящаяся пыль. «Ты не я! Ты… кто ты?! Из «Хроносферы»?!»

Имя организации, вырвавшееся из уст его двойника, ударило спрятавшегося Артёма как обухом. Так он *знал* о них? Или просто догадывался, как и он сам? Но сейчас было не до этого.

«Послушай! – закричал спрятавшийся Артём, отступая. – Я – это ты! Из будущего! Точнее, из… через несколько минут! Не включай установку! Это… это ловушка! Ты прыгнешь назад!»

«Бред!» – прошипел двойник, делая шаг вперед. Линейка в его руке дрожала. «Что ты сделал с блокнотом? Как ты сюда пробрался? Говори!»

Внезапно свет в подвале снова погас. Не полностью, а как бы померк, стал тусклым, желтоватым. Мониторы погасли. Но установка… установка была выключена! Она не должна была реагировать! Но в центре комнаты, в воздухе, над пустой камерой, начало формироваться знакомое радужное мерцание. Маленькое, но неуклонно растущее.

Оба Артёма замерли, глядя на него. Страх на лице двойника сменился ошеломленным ужасом. Он видел это. Видел невозможное.

«Вот видишь?!» – крикнул спрятавшийся Артём. «Это оно! Артефакт! Песочные Часы! Оно здесь! Оно везде!»

Радужное пятно пульсировало, росло. Низкий гул, едва слышный, начал заполнять подвал. Артём-наблюдатель почувствовал знакомое покалывание в запястье. Светящиеся точки под кожей снова проступили, ярче. Он понял. Его присутствие здесь, в прошлом, с частицами «песка времени» в теле, само по себе было аномалией. Оно притягивало артефакт. Или провоцировало его проявление. Время «болело» в этом месте.

«Уходи!» – закричал он своему двойнику. «Беги! Пока не поз…»

Он не договорил. Ощущение падения накрыло его снова. Не такое резкое, как в первый раз, но столь же неотвратимое. Его вырывало отсюда. Обратно? В его «настоящее»? Или куда-то еще? Радужное пятно передернулось, и луч мерцающего света брызнул в его сторону.

«Нет!» – услышал он крик своего двойника, но голос звучал уже издалека, как из-под толщи воды.

Падение. Гул. Давление. Мелькание образов: испуганное лицо двойника, радужное пятно, блокнот, кружка МФТИ…

Щелчок.

Артём стоял в подвале. Установка была выключена. Мониторы показывали заставки. На столе стояла кружка с холодным кофе. Время на компьютере…

14:31.

Он был дома. В своем времени? Или в новом? Он оглядел себя. Та же рубашка, что была до первого прыжка. Ника-

ких светящихся точек на руке. Но в кармане… смартфон. Он дрожащей рукой достал его. Открыл журнал вызовов. Исходящий звонок на номер Леры… сегодня, 14:22. Тот самый. А рядом… входящий звонок. Сегодня, 14:30. От «Квант-Сервис». Поставщик. Звонил, когда он… когда его двойник был в подвале?

Артём подошел к столу. Блокнот лежал открытым. На странице – крупные, нервные буквы гелевой ручкой:

«НЕ ВКЛЮЧАЙ УСТАНОВКУ. 14:30. ПРОВЕРЬ ДАТЧИК Т-578. ОШИБКА КАЛИБРОВКИ. А.В.»

Его собственная записка. Из прошлого. Которую он написал, чтобы предупредить себя. Которая спасла его двойника от прыжка… но не спасла его самого от второго прыжка обратно.

Он поднял взгляд на пустую камеру установки. Потом на свою руку. Ничего. Но он *знал*. Песок времени был в нем. Где-то глубоко. Он был частью этого теперь. Хрононавтом. Игроком в игру, правила которой он не понимал.

Он предотвратил парадокс? Или создал новый? Его двойник там, в 11:30, видел его. Видел артефакт. Что он будет делать теперь? И главное… где сейчас Песочные Часы? И как ему, Артёму, научиться *контролировать* прыжки, а не быть игрушкой временных волн?

Он подошел к раковине, плеснул ледяной воды в лицо. Капли стекали по щекам. Вода была реальной. Холод – реальным. И страх – тоже.

Первое путешествие во времени состоялось. Оно было хаотичным, болезненным и породило больше вопросов, чем ответов. Но одно Артём понял абсолютно точно: время не было линейным. Оно было живым, опасным и играло с ним. А он только что сделал первый шаг в эту игру. Добровольно или нет – уже не имело значения.

И где-то в этой запутанной паутине времен, возможно, все еще ждала его сестра. Лера. Теперь у него появился способ ее найти. Страшный, непредсказуемый, но способ. Цена была ясна: его рассудок, а может, и сама реальность. Но назад пути не было.

Он посмотрел на свои пустые руки. Они дрожали. Но уже не только от страха. От предвкушения. От начала охоты.

Глава 3. Тень сестры

Тишина подвала после второго прыжка казалась уже не гнетущей, а обманчивой. Как затишье перед бурей, которая бушует не в пространстве, а в самом времени. Артём стоял, опираясь о холодный металл серверной стойки, и пытался унять дрожь в руках. Не от холода. От адреналина, страха и… странного, нарастающего возбуждения. Он *путешествовал во времени*. Это было необъяснимо, опасно до умопомрачения, но – факт. Записка в блокноте, звонок в журнале – неопровержимые улики в деле против здравого смысла.

Он посмотрел на свою левую руку, на запястье. Никаких светящихся точек сейчас не было. Кожа была чистой, обычной. Но он *чувствовал* их. Глубоко под кожей, как крошечные занозы времени, излучающие едва уловимое тепло или холод – он не мог определить. И ощущение неустойчивости не покидало. Земля под ногами казалась зыбкой, как палуба корабля в слабый шторм. Он был якорем, зацепленным за настоящий момент лишь волей случая и, возможно, этими микроскопическими частицами артефакта.

Песочные Часы. Где они теперь? Витают в пустоте между мгновениями? Или притянулись к другому "аномальному" месту, к другому потенциальному… Хрононавту? Мысль о том, что таких, как он, может быть больше, вызвала новый приступ холодного пота. И снова всплыло название: *Хроно-*

сфера. Его двойник в прошлом выкрикнул его с ненавистью и страхом. Как он узнал? Догадался? Или… у него были свои причины подозревать эту организацию?

Лера. Все всегда возвращалось к Лере. Ее исчезновение пять лет назад было черной дырой, затянувшей свет его жизни. Именно оно подтолкнуло его к этим безумным исследованиям времени, к попытке найти лазейку в законах физики, чтобы вернуть сестру или хотя бы узнать правду. Теперь у него появился ключ. Опасный, непредсказуемый, но ключ. И странная записка, найденная в архиве… *«Хроносфера»*.

Артём глубоко вдохнул, пытаясь собраться. Паника не помощник. Нужен метод. Нужны данные. Он подошел к своему рабочему столу, отодвинул кружку с холодным кофе. Его взгляд упал на фотографию, примагниченную к стойке. Сочи. Смеющаяся Лера. Яркое солнце, синее море. Казалось, этот момент был вырван из времени и запечатан здесь, в пыльном подвале, как напоминание о том, что потеряно.

Он снял фотографию, осторожно, будто боялся повредить хрупкую бумажную память. На обратной стороне, его же рукой, было написано: *«Сочи, 15 июля 2020. Последнее лето…»* Последнее лето перед исчезновением. Осенью того же года ее не стало. Вернее, она перестала быть *здесь*.

Артём сел, положил фотографию перед собой. Он закрыл глаза, позволив волне воспоминаний накрыть его. Не для того, чтобы страдать. Для того, чтобы искать зацепки. То, что он мог упустить тогда, поглощенный горем и беспомощно-

стью.

Пять лет назад. Октябрь 2020.

Дождь. Мелкий, настырный, превращающий вечерние огни Москвы в размытые желтые пятна. Артём стоял под навесом кафе «Лира» на Чистопрудном бульваре и тушил уже третью сигарету. Он не курил годами, но сейчас нервы были на пределе. Лера опаздывала. На целый час. Она никогда не опаздывала так сильно, не предупредив. Ее телефон был недоступен.

Они договорились встретиться здесь в семь, чтобы обсудить… ее работу. Лера тогда устроилась стажером в небольшой, но амбициозный культурно-исторический фонд «Палимпсест». Она была в восторге – фонд занимался редкими архивными находками, организацией экспедиций, казалось, ей светила интересная карьера историка-исследователя. Но последние пару недель она казалась Артёму странной. Взвинченной. Говорила что-то о «слишком большом проекте», о «непонятных требованиях», о том, что ей «кажется, за ней следят». Артём отмахивался, списывая на стресс новой работы и ее врожденную мнительность. Лера всегда была чувствительной, легко увлекающейся и столь же легко пугающейся.

В восемь он не выдержал и позвонил в «Палимпсест». Секретарь, усталым голосом, сообщила, что Лера Волкова

ушла с работы около шести, сказав, что спешит на встречу. Больше ее никто не видел.

В девять он был в отделении полиции. Дежурный лейтенант, явно не разделявший его паники, завел карточку. «Молодая девушка, могла задержаться с друзьями, телефон сел…» Артём настаивал: «С ней что-то не так! Она говорила о слежке!» Лейтенант вздохнул, пообещал «принять меры», но в его глазах читалось привычное «перебесится, найдется».

Она не нашлась. Ни на следующий день, ни через неделю. Расследование буксовало. Камеры наблюдения у кафе показали: Лера подошла к столику на летней веранде (несмотря на дождь, веранда была под навесом), села, заказала капучино. Ждала. Потом встала, огляделась, будто кого-то ищет. Сделала шаг от стола… и тут запись на несколько секунд превратилась в «снег». Когда изображение восстановилось, Леры не было. На асфальте возле ее стула лежала разбитая кофейная чашка. Как будто она просто… испарилась. Или ее вырвали из реальности. Свидетелей не нашлось – вечер был промозглый, народу мало, и никто не обратил внимания на девушку у кафе.

«Палимпсест» оказался чистой воды ширмой. Офис – съемная контора на неделю. Документы – поддельные. Люди, с которыми работала Лера, – призраки. Фонд исчез так же бесследно, как и его стажер. Единственная зацепка – слова Леры о «большом проекте», связанном с какими-то «ар-

хивными артефактами Сибири» и «частным заказчиком». И ее страх.

Артём бросил все силы на поиски. Нанял частного детектива, рылся в архивах, связанных с Сибирью, шарил по темным форумам в поисках слухов о странных исчезновениях или секретных организациях. Упирался в стену. Детектив развел руками: «Следов нет, Артём Игоревич. Как в воду канула». Деньги уходили, надежда таяла. Оставалась только пустота и чувство вины. Он не защитил сестру. Не поверил ей вовремя.

Артём открыл глаза. Картина кафе «Лира» в дождь, разбитая чашка, ощущение ледяного бессилия – все было так же остро, как в тот день. Он сглотнул ком в горле. Теперь, с новым знанием, старые факты обретали зловещий смысл. «Архивные артефакты Сибири»… «Частный заказчик»… «Хроносфера»? Исчезновение без следа, искажение записи камеры… Это было слишком похоже на его собственный опыт с Песочными Часами! Неужели Лера столкнулась с чем-то подобным? Или… ее *убрали* те, кто охотится за такими артефактами?

Он резко встал, зашагал по подвалу. Нужно было пересмотреть все, что у него было. Все записи, все бумаги, связанные с расследованием исчезновения Леры. Он хранил их в старом сейфе под столом, заваленном приборами.

Сейф открылся со скрипом. Внутри лежала папка с надписью «Лера. Дело». Артём достал ее, сел на пол, прислонившись к стене, и начал листать. Отчеты детектива (краткие и бесполезные), распечатки переписок Леры из соцсетей (ничего подозрительного), копии заявлений в полицию, справка о закрытии «Палимпсеста»… Сухие, безжизненные документы. Он перебирал их, вглядываясь в каждую строчку, ища то, что могло ускользнуть раньше.

И нашел. Не в официальных бумагах. На дне папки лежала маленькая, потрепанная записная книжка в мягком черном переплете. Дневник Леры. Он нашел его через месяц после исчезновения, спрятанным под матрасом на ее съемной квартире. Полиция его просматривала, но ничего криминального не нашла – обычные девичьи мысли, стихи, зарисовки планов. Артём тогда не смог его читать – боль была слишком свежа. Просто убрал в папку как память.

Сейчас он взял дневник дрожащими руками. Кожа на его запястье снова заныла, защемила – частицы песка отозвались на его волнение. Он открыл первую страницу. Милые глупости, переживания из-за учебы, восторги от первой любви… Он листал, пропуская знакомые страницы, приближаясь к последним записям. К осени 2020 года.

«…Фонд «Палимпсест» – это просто сказка! Мне доверили работу с настоящими документами XIX века из частной коллекции. Письма ссыльных, дневники золотоискателей… Чувствую себя Шампольоном, расшифровывающим

тайны!»

«…Странный разговор сегодня с Марком (мой куратор в фонде). Спросил, не боюсь ли я «непознанного» и «артефактов с тяжелой энергетикой». Сказал, что скоро мне предстоит работать с одной очень особой вещью, привезенной из-под Красноярска. Что-то связанное со старинными культами и «искажениями реальности». Смешно, конечно, но он говорил так серьезно…»

«…Чувствую себя паршиво. После вчерашнего сеанса с этими «сибирскими артефактами» – набором каких-то ритуальных бляшек и обломком камня с вырезанными знаками – у меня дико болела голова. А ночью… приснился кошмар. Будто я падаю в черную яму, а вокруг какие-то тени шепчутся. Проснулась вся в холодном поту. Марк сегодня спрашивал о самочувствии. Сказал, что это нормально, «энергетика артефактов очищается через сновидения». Бред какой-то. Но платят хорошо…»

«…Что-то не так. Сегодня заметила, что за мной от работы шла серая «Тойота». Два квартала. Потом исчезла. Сказала Марку. Он помрачнел, сказал: «Это они. Будь осторожна, Лера. Никому не говори о проекте». Кто «они»?! Я испугалась по-настоящему. Позвонила Артёму, договорилась встретиться завтра. Надо ему все рассказать. Он такой умный, он поймет, что делать…»

Последняя запись. Датирована днем ее исчезновения. Артём сжал страницы так, что костяшки пальцев побелели.

«Они». Марк. «Сибирские артефакты». «Искажения реальности». Кошмары о падении… Так похоже на его собственные ощущения! Лера была близка к чему-то опасному. И ее предупредили о слежке. А он, Артём, отмахнулся! Считал ее мнительной! Если бы он тогда выслушал ее серьезно, если бы пошел с ней в кафе, если бы…

Чувство вины, острое, как нож, вонзилось в грудь. Он застонал, согнувшись пополам. Частицы песка на запястье вспыхнули резкой, колющей болью, а затем – волной странного тепла, будто пытаясь успокоить. Артём вздрогнул. Эта реакция… она была не случайной. Артефакт, песок в нем – они реагировали на его эмоции? На связь с Лерой?

Он заставил себя дышать глубже. Вина не поможет. Нужно думать. Марк. «Сибирские артефакты». «Палимпсест». Это были нити. Хлипкие, но нити.

Артём перевернул страницу. После последней записи было несколько чистых листов. И вдруг, почти в самом конце дневника, его взгляд зацепился за едва заметную пометку на полях, сделанную карандашом и почти стертую. Он поднес дневник к свету настольной лампы.

Надпись была крошечной, неровной, будто писалась в спешке или в темноте:

«Код: Волга-Енисей-Янтарь. Спросить у «Странника». Опасно. Х.»

Артём замер. «Волга-Енисей-Янтарь». Что это? Пароль? Название операции? Географические точки? И «Странник»?

Кто это? Псевдоним? И эта буква «Х» в конце… «Хроносфера»? Предупреждение об опасности от кого-то внутри?

Сердце забилось чаще. Это была зацепка! Первая реальная зацепка за пять лет! Лера оставила ему послание. Зашифрованное, спрятанное, но послание. Она пыталась что-то передать. Боялась.

«Спросить у «Странника»…» Кто мог быть «Странником»? Коллега по фонду? Источник информации? Артём лихорадочно пролистал дневник назад, ища упоминания этого имени. Ничего. В отчетах детектива – тоже. Может, это кто-то из ее знакомых, о ком он не знал? Или… историческая фигура? Лера любила давать людям прозвища из книг или истории.

Он вскочил, схватил ноутбук. Запустил поиск по всем своим архивам, по перепискам Леры. Ключевые слова: «Странник», «Волга», «Енисей», «Янтарь». Ничего полезного. Отчаяние снова начало подбираться. Он зашел на ее старую страницу в соцсети (он платил, чтобы ее не удаляли). Просматривал друзей, группы, посты. Никаких «Странников». Группы по истории, археологии, литературе…

И вдруг его взгляд упал на название одной из групп, в которой состояла Лера: **«Клуб Любителей Странных Историй и Забытых Артефактов»**. «КЛИША» – аббревиатура. Небольшая группа, пару тысяч участников. Обсуждали городские легенды, НЛО, криптозоологию, аномальные зоны… Лера вступила туда за год до исчезновения, но почти

не проявляла активности. Пару безобидных комментариев.

«Странные истории»… «Странник»? Может, это связано? Артём зашел в группу. Начал листать обсуждения, искать посты Леры или упоминания ее ника. Ничего. Потом попробовал поиск по слову «Странник» внутри группы. Выпало несколько постов. В основном, о литературных персонажах или исторических личностях-путешественниках. Ничего полезного. Он уже хотел закрыть вкладку, когда заметил один старый пост, от трех лет назад. Автор – пользователь под ником **«Wayfarer»** (Странник). Пост был о загадочных артефактах, найденных в районе реки Енисей, и возможных следах древних технологий, «искажающих восприятие реальности». Текст был написан умно, со знанием дела, без обычного для таких групп мистического бреда. В комментариях – несколько вопросов, но автор ответил лишь однажды, сухо: «Информация проверяется. Не все можно обнародовать.»

Артём почувствовал, как по спине пробежали мурашки. «Енисей». «Артефакты». «Искажение реальности». Слишком много совпадений с тем, что писала Лера! А ник автора – «Wayfarer» – «Странник»! Это он? Тот, у кого нужно было «спросить»?

Он попытался открыть профиль «Wayfarer». Увы. «Пользователь заблокирован или удален». Страница недоступна. Артём выругался вслух. Единственная ниточка, и та оборвалась. Но он знал ник. Может, «Wayfarer» оставил след где-то еще? В других группах? На форумах?

Артём углубился в поиск, забыв о времени, о подвале, о своих собственных временных аномалиях. Он чувствовал себя на охоте. За тенью сестры. За призраком «Странника». За ключом к коду «Волга-Енисей-Янтарь». Частицы песка на его запястье тихо пульсировали, будто подбадривая, или предупреждая.

Он нашел. На малоизвестном форуме по альтернативной истории, в ветке об археологических загадках Сибири, был старый комментарий от «Wayfarer». Всего одна строчка, ответ кому-то:

«Если ты действительно ищешь Истину у истоков великих рек, ищи не в земле, а в камне. Но берегись Хранителей. Они не дремлют.»

«Истоков великих рек»… Волга? Енисей? «В камне»… Янтарь? И снова предупреждение: «Хранители». «Хроносфера»? Артём почувствовал, как холодеет. Лера спрашивала «Странника» о коде, связанном с реками и янтарем. Он отвечал загадками и предупреждал об опасности. А потом исчез. Как и она.

Артём откинулся на спинку кресла. В голове крутились обрывки: «Волга-Енисей-Янтарь», «истоки великих рек», «ищи в камне», «Хранители», «Хроносфера». Это была карта? Указание? Очень туманное. Исток Волги – в Тверской области. Исток Енисея – в Туве, в Саянах. Янтарь… Балтика? Или что-то другое? «В камне» – пещеры? Скалы? Памятники?

Он взглянул на фотографию Леры. Ее улыбка теперь казалась не беззаботной, а грустной. Она знала, во что ввязалась. И пыталась передать ему подсказку. Код. «Странник». Возможно, это был ее крик о помощи, зашифрованный в дневнике.

Артём сжал кулаки. Теперь у него была цель. Не просто абстрактный поиск Леры во времени. Конкретная нить. Код. «Странник». И «Хроносфера» как вероятный враг. И у него был инструмент. Опасный, дикий, но инструмент. Песок времени в его крови давал ему шанс. Шанс пойти по ее следу. Может, даже найти этого «Странника». Или понять, что скрывается за кодом «Волга-Енисей-Янтарь».

Он поднялся, потянулся. Кости хрустели. Время на компьютере показывало глубокую ночь. Он провел в поисках несколько часов. Но усталости не чувствовал. Только жгучую решимость. Он подошел к пустой камере установки. Поставил перед ней фотографию Леры.

«Я найду тебя, сестренка, – тихо пообещал он. – Что бы там ни было. Кто бы ни стоял на пути. Я разгадаю твой код. Найду «Странника». И доберусь до «Хроносферы».»

Внезапно свет в подвале снова мигнул. Не погас, а именно мигнул. Серверы на секунду сбавили гул. Артём резко обернулся, инстинктивно прикрывая запястье, где снова заныли частицы песка. Он почувствовал… взгляд. Чужой, холодный, оценивающий. Будто кто-то невидимый наблюдал за ним из угла подвала. Из самой тени.

Он медленно оглядел помещение. Никого. Только стеллажи, коробки, приборы. Но ощущение присутствия не исчезало. Оно висело в воздухе, тяжелое и враждебное. «Хранители»? «Хроносфера»? Они знали? Чувствовали его? Чувствовали песок времени в нем?

Страх вернулся, холодной волной. Но на сей раз он не парализовал. Он закалял. Артём выпрямился, глядя в ту самую тень, откуда, казалось, исходил незримый взгляд.

«Игра началась, – прошептал он в почтительную тишину подвала. – Я в деле.»

Он погасил основной свет, оставив только тусклую лампу над столом. Ему нужно было думать. Планировать. Как использовать свою новую, опасную способность? Как контролировать прыжки? И главное – куда прыгнуть в первую очередь? К разгадке кода. К истокам. К тени сестры.

В темноте подвала, под незримым взглядом невидимых наблюдателей, Артём Волков, Хрононавт поневоле, начал свою настоящую охоту. Охоту за временем, правдой и спасением Леры. Цена была известна: все. Но ставка была сделана.

Глава 4. Контроль над бездной

Ощущение незримого взгляда не покидало Артёма всю ночь. Он провел ее не в попытках сна, а в состоянии напряженной боевой готовности, спиной к стене, в кресле перед столом. Тусклый свет настольной лампы отбрасывал длинные, пляшущие тени от стеллажей, превращая знакомый подвал в лабиринт потенциальных угроз. Частицы песка под кожей запястья пульсировали слабым, тревожным теплом – живой индикатор его связи с непостижимой силой и, возможно, маяк для тех, кто за ней охотился. «Хранители». «Хроносфера». Имена врага обретали плоть в этой давящей тишине.

К утру чувство слежки несколько притупилось, сменившись ледяной решимостью. Страх был роскошью, которую он не мог себе позволить. У него была цель: код «Волга-Енисей-Янтарь», «Странник», Лера. И ключ – песок времени, застрявший в его плоти, как осколки разбитого артефакта. Но ключ этот был диким, непокорным. Чтобы найти сестру, ему нужно было не просто случайно вышвыриваться на 26 минут назад, а *управлять* прыжками. Научиться не падать в бездну времени, а плыть по ее течению.

Первым делом – безопасность. Он тщательно проверил подвал: датчики движения, камеры (которые, как он помнил, могли искажать реальность), даже вентиляционные решет-

ки. Ничего подозрительного. Но доверия к физической реальности после встречи с самим собой у него поубавилось. Он усилил пароли на всех системах, зашифровал папку с данными о Лере и дневник. Настоящим прорывом стало обнаружение в закромах старого, но мощного портативного генератора. Подключил его к серверам и основному освещению – теперь блэкаут ему был не страшен. Подвал стал его крепостью. Лабораторией Хрононавта.

Теперь – эксперименты. Он начал с малого. Создал «журнал аномалий», записывая все: время, свое физическое и эмоциональное состояние, силу покалывания в запястье, внешние факторы (давление, магнитные бури по данным онлайн-мониторинга), любые странные ощущения. Он часами сидел перед пустой камерой установки, концентрируясь на частицах песка внутри себя, пытаясь вызвать то самое чувство неустойчивости, предшествующее прыжку. Пытался визуализировать момент падения, радужное мерцание, гул…

Первые дни были сплошным разочарованием. Кроме усиливающейся головной боли и покалывания, переходящего в жгучую боль при слишком интенсивной концентрации, ничего не происходило. Мир оставался твердым и незыблемым. Отчаяние снова поднимало голову. Что, если прыжки были лишь случайными всплесками, реакцией на близость артефакта, а не его собственной силой? Что, если он обречен быть пассивным пассажиром во времени?

Перелом наступил на пятый день, утром. Артём сидел на полу, скрестив ноги, спиной к выключенной установке. Он медитировал, не на пустоту, а на *ощущение* Леры. На ее смех из фотографии, на запах ее духов (легкий, цветочный), на чувство абсолютного доверия и защиты, которое он когда-то давал ей и так предал. Боль утраты, острая и свежая, вопреки годам, хлынула через край. И вместе с ней – волна жгучей, почти невыносимой боли из запястья, распространившейся по всей руке и в виски. Он вскрикнул, открыл глаза.

Воздух перед ним *заколебался*. Не сильно. Как марево над раскаленным асфальтом. Но это было не галлюцинацией. Он *видел*! И слышал! Еле уловимый, низкий гул, словно отдаленный реактивный двигатель, наполнил подвал. Свет лампы над столом померк, стал желтоватым и ненадежным. Частицы песка под кожей горели как раскаленные иглы.

Не отпускать! – пронеслось в голове. Он впился взглядом в дрожащий воздух, сконцентрировав всю волю, всю боль, все желание найти Леру на этом крошечном очаге искажения. *Я хочу видеть! Хочу знать! Покажи мне… покажи мне исток!*

Искажение пульсировало. И вдруг – в его центре, как кадр плохого телевизора, мелькнуло изображение. Нечеткое, дрожащее, но реальное. Вода. Чистая, неглубокая, бегущая по камням. Зелень. Деревянный настил. Скромный деревянный крест. И… люди. Несколько человек в современной одежде, что-то фотографирующие.

Исток Волги. Узнаваемое место. Он видел фотографии. Деревянный сруб родника в деревне Волговерховье Тверской области. Это было *сейчас*? Или…?

Изображение дернулось, поплыло. Оно смещалось, меняя ракурс. Вот крупный план камня под водой, поросшего мхом. Вот деревянный крест крупно. И вот… угол какого-то здания, старого, деревянного, не туристического. И на его серой, облупившейся стене – знак. Выцарапанный или нарисованное краской. Простой, но бьющий в глаза: два концентрических круга, пересеченных волнистой вертикальной линией, напоминающей песочные часы. Знак «Хроносферы»? Тот самый, что мелькал в его видении во время первого появления артефакта?

Артём ахнул. Концентрация дрогнула. Искажение дернулось, как пузырь, и лопнуло. Гул стих. Свет вернулся к нормальному яркому свечению. Боль в запястье отступила, оставив пульсирующую пустоту и легкое головокружение. Но в глазах еще стояло изображение: родник, крест, тайный знак на старом доме.

Он дышал как загнанный зверь. Это работало! Он не просто вызвал аномалию – он *увидел* через нее! Удаленный просмотр? Проекция настоящего места через дыру в пространстве-времени? И главное – он нашел метку! «Хроносфера» была там, у истока Волги. Сейчас. Или недавно. Это был след. Первый реальный след врага и, возможно, ключ к коду.

Эйфория длилась недолго. Цена оказалась высокой. По-

мимо изнуряющей усталости, его начало мутить. В глазах плавали черные точки. А когда он попытался встать, мир поплыл, и его вырвало в раковину. Желчью и водой. Тело протестовало против насилия над реальностью. Песок времени горел под кожей предупреждающе. *Недолго*, – шептала интуиция. *Так долго не протянешь.*

Но отступать было нельзя. Он нашел способ. Теперь нужно было его усилить, сделать управляемым. И не просто видеть, а *попадать* туда. В место, отмеченное знаком «Хроносферы». В прошлое? Настоящее? Он не знал, когда был сделан этот знак. Но рискнуть стоило.

Следующие дни превратились в адскую тренировку. Он экспериментировал.

Боль (сжимал запястье, вызывая жжение частиц), сильные эмоции (в основном, боль от воспоминаний о Лере), визуальные образы (фотографии истока Волги, схемы песочных часов), мантры («Волга-Енисей-Янтарь», «Лера», «Странник»).

Учился удерживать искажение дольше, направлять «взгляд» через него не хаотично, а к конкретным точкам – к тому месту на стене, где видел знак.

Пытался не просто видеть, а *чувствовать* место, *втянуть* себя в эту точку. Представлял себя шагающим сквозь радужный вихрь.

Результаты были нестабильными. Иногда искажение не появлялось вовсе. Иногда появлялось, но изображение бы-

ло смазанным или вообще другим (он видел фрагменты университетского коридора, лицо незнакомого старика, темную воду). Иногда боль становилась невыносимой, и он терял сознание на несколько минут, просыпаясь с кровавым носом и ощущением, что мозг проткнули раскаленной спицей. Он худел, глаза запали, тень под ними стала фиолетовой. Он жил на кофе, энергетиках и фанатичной вере в то, что каждый провал – шаг к успеху.

Прорыв случился поздно вечером, когда он был на грани срыва. Он снова сосредоточился на знаке на стене у истока Волги. Боль в запястье была привычной, образ – четким. Он представлял, как протягивает руку сквозь мерцающую пелену и *касается* шершавой древесины, на которой выцарапан символ. Он чувствовал холод дерева, запах сырости и хвои… И вдруг – его рука *исчезла*. По локоть. Она ушла в радужное пятно искажения, которое висело теперь перед ним размером с тарелку. Он физически ощущал прикосновение к мокрой, облупившейся краске и мху! Адская боль разорвала руку и плечо, но это было *реально*!

Войти! – закричал он мысленно, делая шаг вперед, в радужный вихрь. *Войти СЕЙЧАС!*

Это было не падение. Это было… втягивание. Как будто гигантский насос схватил его и потащил сквозь игольное ушко реальности. Боль была вселенской. Каждая клетка тела кричала. Он видел вспышки света, обрывки образов: тот самый старый дом, бурлящий родник, чье-то испуганное лицо

(женщины в платке?), черный песок… Гул заглушал все.

И – *щелчок*. Жесткое приземление на колени. Холод. Влажность. Запах прелой листвы, хвои и… воды.

Артём поднял голову, отчаянно хватая ртом воздух. Голова раскалывалась, по лицу текла кровь из носа, рука, которую он просунул в искажение, горела огнем. Но он был *не в подвале*.

Туман. Густой, молочно-белый, обволакивающий все вокруг. Он сидел на мокрой земле, поросшей мхом и папоротником. Рядом шумела вода – негромко, но настойчиво. Он встал, пошатываясь, и через несколько шагов уперся в деревянный настил. Знакомый настил. И знакомый деревянный сруб родника, из которого била чистая, холодная вода, стекая в небольшое озерцо. Исток Волги. Деревня Волговерховье.

Но все выглядело… иначе. Туристического лоска не было. Настил был старым, потертым. Крест над родником – более простым, грубоватым. Не было ни указателей, ни лавочек, ни сувенирных лавок. Только лес, туман, вода и тишина, нарушаемая пением невидимых птиц. И… тот самый старый дом. Он стоял метрах в пятидесяти от родника, за деревьями. Одноэтажный, покосившийся, с темными пустыми глазницами окон. На его серой, облупившейся стене, обращенной к роднику, четко виден был выцарапанный знак: два круга и волнистые песочные часы. Знак «Хроносферы».

Артём почувствовал ледяной укол страха. Он сделал это.

Он *контролируемо* переместился. Но куда? В какое время? Туристов нет, дом не заброшен? Он подошел к роднику, зачерпнул ладонью воды. Она была ледяной, чистейшей. Он посмотрел на свой наряд: обычные джинсы, свитер, ветровка. Ничего, что выдавало бы его из другого времени. Смартфон в кармане… он достал его. Экран был темным. Мертвым. Как и во время первого прыжка. Электроника не пережила путешествия.

Он поднял глаза к дому. Знак манил и пугал. Это был вход. В логово «Хроносферы»? В место силы? Или ловушку? Но Лера была где-то рядом. В этом коде. В этой тайне. Он *чувствовал* ее близость вибрацией частиц песка в запястье – теперь они пульсировали не болью, а настойчивым сигналом, как компас.

Он осторожно двинулся к дому, стараясь ступать бесшумно по мокрой траве. Лес вокруг казался пустым, но ощущение слежки вернулось с удвоенной силой. Не из подвала, а здесь, в этом туманном прошлом (настоящем?). Чужие глаза, наблюдающие из чащи.

Дом был старым. Очень старым. Бревна потемнели от времени и влаги. Крыша местами провалилась. Дверь, когда-то крепкая, теперь висела на одной петле. Артём заглянул внутрь. Полутьма. Запах плесени, пыли и чего-то… металлического? Химического? Пол был завален мусором: обломками досок, тряпьем, битым кирпичом. Но в центре комнаты пространство было расчищено. И там стоял… прибор.

Не такой монструозный, как его установка в подвале, но явно не крестьянская утварь. Металлический треножник, на котором крепился странный агрегат, похожий на гибрид теодолита и старого проекционного аппарата. От него тянулись толстые провода к разбитой стеклянной колбе, из которой сочилась какая-то темная, маслянистая жидкость, пахнущая озоном и горелым металлом. Рядом валялись пустые канистры с непонятными маркировками, обрывки схем, исписанных формулами, и… несколько фотографий.

Артём вошел, стараясь не шуметь. Поднял одну фотографию. Черно-белая. Группа людей в военной форме, но не советской. Судя по фасону… 30-е? 40-е годы? На переднем плане мужчина в очках и белом халате, указывающий на что-то за кадром. На обороте надпись: **«Экспедиция «Исток». Объект «В-1». Волговерховье, сентябрь 1941.»**

1941 год? Он прыгнул в прошлое? Во время войны? И это… немецкая экспедиция? «Хроносфера» работала с нацистами?!

Он схватил другие фотографии. На одной – крупный план того самого прибора на треноге, установленного у родника. На другой… Артём замер. На ней был запечатлен момент. Из родника, прямо из воды, бьет столб радужного, мерцающего света! И вокруг него – люди в той же форме, некоторые падают, закрывая лица, другие в ужасе отползают. Аномалия! Прямо здесь! В 1941 году!

И тут его взгляд упал на последнюю фотографию в стоп-

ке. Групповой снимок, но не военных. Шестеро мужчин и одна женщина в гражданской одежде, стоящие у того же дома. Надпись на обороте: **«Команда «Палимпсест». Предварительная разведка. Волговерховье, июль 2020.»**

2020 год. Всего за три месяца до исчезновения Леры! И в кадре… он узнал одного из мужчин. Того самого Марка, ее куратора! Его лицо, чуть моложе, но безошибочное – холодные глаза, жесткая линия рта. А рядом с ним… женщина. Стройная, в полевой одежде, с короткими темными волосами и умными, серьезными глазами. Он никогда не видел ее раньше. Но частицы песка в его запястье *взвыли* от боли и… узнавания. Эта женщина была связана с артефактом! Силой времени! Так же, как он!

Лера? – мелькнула безумная надежда. Но нет. Черты другие. Возраст – за тридцать. Кто она? Коллега Марка? Агент «Хроносферы»? Или… «Странник» в женском обличье?

Внезапно снаружи, сквозь открытую дверь, донесся звук. Не птица. Не зверь. Металлический, скрежещущий. Как будто отодвигают засов. Или взводят затвор.

Артём инстинктивно бросился вглубь комнаты, за груду мусора. Сердце бешено колотилось. Кто-то пришел. Сюда. Сейчас. Враги? Местные? Стражи времени?

Шаги. Не один человек. Твердые, уверенные, по скрипящим половицам снаружи. Остановились у порога. Артём затаил дыхание, прижимаясь к холодным, пахнущим плесенью бревнам. Частицы песка горели как угольки, крича об опас-

ности.

Тень упала на порог. Высокая, широкая в плечах. Человек в длинном, темном плаще, с капюшоном, натянутым на лицо. В руке – не ружье. Что-то похожее на короткий посох с металлическим набалдашником, излучающим тусклое, зловещее сияние.

Хранитель.

Игра с Песочными Часами только что перешла на новый, смертельно опасный уровень. И Артём был в самом ее эпицентре, в прошлом, у истока великой реки, с единственным оружием – болью в руке и безумной надеждой найти сестру.

Глава 5. Война во времени

Холодный пот стекал по вискам Артёма, смешиваясь с кровью из носа. Он вжался в груду мусора за спиной, стараясь сделать себя как можно меньше. Запах плесени, пыли и окислов бил в ноздри, но он боялся даже чихнуть. Шаги замерли у порога. Тяжелые. Уверенные. Тень человека в плаще с капюшоном растянулась по гнилому полу, почти касаясь его укрытия. Синий свет от набалдашника посоха лизал стены, отбрасывая зловещие, прыгающие тени. Этот свет был *неправильным*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.